

«Поднялись защищать свое счастье»

Куйбышевец Рудольф Евилевич — фронтовик, офицер-сапер, потерявший на войне зрение. О нем писала наша газета. Сейчас он готовит к печати книгу очерков, в которых на основе документальных материалов, собранных красными следопытами, пишет о тех, кто не вернулся домой.

Он мечтал о море

Владимиру Воронину не исполнилось и четырнадцать, когда его приняли в комсомол. А в восемнадцать он стал коммунистом. Солдатом-коммунистом. И писал отцу, Александру Григорьевичу Воронину, самому близкому человеку на свете, ветерану партии: «Ты понимаешь, отец, какая это для меня радость. Даю тебе слово: в боях за Родину, за счастливую жизнь советского народа я не пожалею ни своих сил, ни своей молодой жизни... Мы за жизнь! И мы победим!»

Володя мечтал стать военным моряком. «Почему я так люблю море? — писал он сестре. — Думаю, что мы с ним, морем, характерами сходимся. И мне необходимо его простор и свобода...»

Мечта его почти сбылась: стал учиться в Ленинграде в знаменитой «Дзержинке». Но началась война, и училище эвакуировали в тыл. Он просто не мог оставаться вдалеке от фронта. Выпросился в действующую защищать Москву. О своей контузии пишет мимоходом. Радуетесь первой победе: «Главное, наша армия разгромила гитлеровцев под Москвой, освободила немало городов и сел. Но враг еще хозяйничает на огромной территории». И верит, что враг будет разбит: «Дорогой мой отец! Мы или победим, или умрем. Но ты же знаешь, что не может быть того, чтобы молодое, доброе, здоровое могло умереть, а гнилое, разложившееся могло жить и торжествовать победу. Поэтому победимы! Мы обязаны победить, так как по существу мы еще и не жили. Нам надо жить, нам надо отстоять завоевания Октября!»

Владимир писал отцу обо всем, что было на душе: «Жив, здоров, только вот погода препаршивая. Стоят пасмурные дни, туманы, идут дожди. В такие дни и настроение серое, как тучи на небе. Хочется солнца, больше движения, жизни. Хочется неустанно идти вперед и вперед, гнать врага, а не торчать под этим проклятым холмом».

А вот другого порядка раздумья: «Меня в числе трех бой-

цов посылают учиться в артиллерийское училище на Урал. Что скажете по этому поводу? А мне жалко расставаться с ребятами, с фронтом. Ох, и насолил бы я фашистам за это время. Но мы еще встретимся, и они узнают, что такое гвардейцы-артиллеристы!»

В глубоком тылу, осваивая новую технику, он беспокоится, как бы не оставили в арьергарте, как бы скорее попасть на фронт. «А умереть, так лучше уж в бою, чем от тоски при штаб-квартире», — цитирует он строки стихотворения своего школьного товарища Захара Городисского.

И вот Владимир снова на передовой, он — молодой командир новеньких самоходок. И радость в каждой строчке письма к сестре: «Юлька, ты понимаешь, какое моральное удовлетворение испытывает душа, когда чувствуешь ту мощь, которая у тебя в руках и которую ты обрушишь на врага. И появляется полная уверенность в том, что мы победим. В этом у меня нет ни капли сомнения. Нет и не будет ни капли дрожи в руках, когда поведу свою машину в бой».

И по-настоящему цела его душа после удачного боя: «Сегодня я чувствую в душе какой-то праздник. Хочется об этом громко говорить, радоваться. Глубоко небо, талый снежок вокруг, яркое солнце — весна! Весна, Юлька! Как много радости, счастья приносит нам весна. Самое нежное, самое прекрасное чувство — любовь весной достигает своего наибольшего расцвета. Юлька! Как хорошо, что мы родились весной. Мы рождены для счастья, и оно должно быть нашим. Оно было нашим, но на него покушается коварный враг. И мы подымались защищать свое счастье. Мы его защитим, мы его возьмем в свои руки!»

Но самой прекрасной весны, весны сорок пятого года, Владимир Воронин не увидел. У эстонского селения Сааре 20 сентября 1944 года вел свой последний бой командир самоходной установки младший лейтенант Воронин. Его письма вместе с орденом Отечественной войны I степени теперь хранятся в музее пятнадцатой куйбышевской школы.

Не привык отступать

17 июня 1941 года Захару Городисскому на школьном вечере вручили аттестат отличника. А 23 июня он принес в военкомат заявление с просьбой срочно зачислить его в действующую армию. «Клянусь быть верным запитником своей любимой Родины», — писал он. — Я приложу все силы и знания, чтобы оправдать звание бойца и вместе со всем поднявшимся народом уничтожить озверелую банду».

Так юноша стал солдатом. После первого боевого крещения он писал домой: «Каково мое впечатление от боя? Конечно, ничего красивого, возвышенного. Кругом визжат пули, рвутся снаряды, трещат автоматы. Ночную тьму то и дело прорезают ленточки трассирующих пуль. И кажется, что пули летят прямо в тебя, иногда они падают так близко, что тебя обдает снегом. Это не совсем приятно. Самое страшное — это мины. Они ложатся почти рядом...»

Молодой боец мужал в боях, набирался выучки. Две медали «За отвагу» появились на его гимнастерке. Стал командиром взвода, комсоргом роты, членом полкового комитета комсомола. На фронте его приняли в партию. Был контужен в бою, но с передовой не ушел.

12 июля 1943 года в жарком бою у знаменитой Прохоровки командир взвода 866-го стрелкового полка старший сержант Городиский был тяжело ранен в обе ноги. Вот как он сам писал об этом бое: «Артиллерийская подготовка началась в пять часов утра. Это был такой огонь, что фрицам тошно стало. Сказать только, на одном километре стояло четырехста орудий всех калибров. Через сорок минут двинулись наши танки. Развернул я взвод в цепь и пошел вперед. Фашисты из пулемета застрочили. А тут самое главное — быстрый бросок. Бегаю с автоматом, поднимаю косяка. Но атака захлебнулась, так как почти вся рота из строя вышла. Командир приказал собрать остатки роты под свое командование, потому что другие комзвезда были уже ранены. Собрал я всех, посадил на танки — и снова в атаку. На этот раз мы прорвались. Соскочили мы с танков и побежали вперед.

Тут меня чиркнуло по ноге. Лег и стал смотреть, в чем дело. В это время меня во вторую ногу шарахнуло, перебило ее. Ну, а дальше стали возить по госпиталю».

Захар еще в школе сочинял стихи. За день до начала войны он написал такие строки:

За дело правды надо честно биться.

Лишь тот судьбу сумеет победить,

Кто с нею никогда не примирится!

Его поэтическое видение мира зрело на войне. В перерывах между боями он писал:

Синее-синее небо...

Полдень... Высокие ели...

Знойное солнце прямо над головой.

Но кажется мне, что деревья тоже одеты в шинели,

Вместе с тобою тоже идут в бой.

Многие строки навеяны чувством ненависти к фашистскому отродью, творившему на нашей земле такие зверства, от которых стыла кровь бойца, закипала ненависть.

Сам он не боялся смерти. Он готов был отдать себя всего во имя свободы своей Родины, разгрома фашизма. Это он писал своему школьному другу Владимиру Воронину:

И если мне смерть повстречается близко,

Когда? — мы не будем об этом гадать,

Ты скажешь друзьям, что Захар Городисский

В боях не привык отступать. Что он, нахлебавшись смертельного ветра,

Упал головой не назад, а вперед,

Чтоб лишних сто семьдесят два сантиметра

Вошли в завоеванный счет! Захар Городисский умер в госпитале от ран. В городе Зеленодольске, что в Татарии, за аккуратной оградой — скромный обелиск с портретом юного воина и поэта.

Вот такими были два солдата грозной войны, два школьных друга. Они отстояли нашу свободу. Их имена не только на обелисках. Они — в наших сердцах. Пионерская дружина 15-й школы носит имя Захара Городисского, комсомольская организация — имя Владимира Воронина.

Р. ЕВИЛЕВИЧ,
руководитель клуба красных следопытов «Десант»,
КУЙБЫШЕВ.

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

МАЙ 1985